

Предисловие

Одна из самых важных вещей, которые нужно понять о человеке, состоит в том, что человек спит. Он не просыпается, даже когда думает, что проснулся. Его пробуждение очень хрупко; его пробуждение так крошечно, что его вообще не стоит принимать во внимание. Его бодрствование — только красивое, но совершенно пустое название.

Ты спишь ночью, ты спишь днем — с рождения до смерти ты продолжаешь переходить от одного образца сна к другому, но никогда на самом деле не просыпаешься. Не дурачь себя тем, что просыпаешься, просто открыв глаза. Пока не открылись внутренние глаза — пока ты не стал полным света, пока не научился видеть самого себя, видеть, кто ты такой, — не думай, что бодрствуешь. Это величайшая из иллюзий, в которых живет человек. И если ты предполагаешь, что уже проснулся, не может быть и речи о том, чтобы приложить усилия и действительно проснуться.

Вот первое, что должно глубоко просочиться в ваши сердца, — вы спите, крепко спите. День за днем вы спите и видите сны. Иногда сны сняты с открытыми глазами, иногда — с закрытыми, но вам сняты сны — ты *есть* сон. Ты еще не реальность.

[Читать полный вариант книги](#)

Конечно, во сне, что бы ты ни делал, это бессмысленно. Что бы ты ни думал, это бесполезно, что бы ты ни проецировал, это остается частью твоего сна и никогда не позволяет тебе увидеть то, что есть. Поэтому все будды настаивали только на одном: проснись! Сознательно, многие века... все их учение может содержаться в одной-единственной фразе: будь пробужденным. И они изобретали методы, стратегии; они создавали контексты, пространства и энергетические поля, в которых можно было бы шоковой терапией привести вас в осознанность.

Да, если только ты не подвергнешься шоку, не будешь потрясен до самого основания, ты не проснешься. Сон продолжался так долго, что достиг самых корней твоего существа; ты им пропитан. Каждая клетка твоего тела и каждый фибр твоего ума наполнились сном. Это не маленькое явление. Поэтому нужно огромное усилие, чтобы быть бдительным, чтобы быть внимательным, чтобы быть наблюдательным, чтобы стать свидетелем.

Если бы все будды мира согласились в чем-то одном, это было бы следующее: человек, какой он есть, — спит, а человек, каким он должен быть, — должен быть пробужденным. Пробуждение — это цель, и пробуждение — это вкус всех их учений. Заратустра, Лао-цзы, Иисус, Будда, Бахауддин, Кабир, Нанак — все пробужденные учили только одному... на разных языках, в разных метафорах, но песня их остается прежней. Точно как все моря соленые на вкус, — попробуешь ли ты морскую воду на севере или на юге, вкус ее будет соленым, — так и пробуждение — вкус природы будды.

Но если ты будешь продолжать верить, что уже пробужден, то не приложишь никаких усилий. Тогда нет и речи о том, чтобы приложить какие-то усилия, — зачем беспокоиться?

Из своих снов вы создали религии, богов, молитвы ритуалы, — ваши боги настолько же остаются частью ваших снов, как и что угодно другое. Ваша политика — это часть ваших снов, ваши религии — это часть ваших снов, ваша поэзия, ваша живопись, ваше искусство, — что бы вы ни делали, поскольку вы спите, то и делаете все согласно своему состоянию ума.

Ваши боги не могут отличаться от вас. Кто их создаст? Кто придаст им форму, цвет и облик? Их создаете вы, их ваяете вы; у них такие же глаза, что и у вас, такие же носы — и точно

такие же умы! В Ветхом Завете Бог говорит: «Я очень ревнивый Бог!» Кто мог создать такого Бога, который ревнив? Бог не может быть ревнивым, а если Бог и ревнив, что тогда плохого в ревности? Если даже Бог ревнив, почему вы должны думать, что делаете что-то плохое, испытывая ревность? Ревность божественна!

В Ветхом Завете Бог говорит: «Я очень гневный Бог! Если вы не последуете моим заповедям, я вас уничтожу. Вы будете навечно брошены в ад. И поскольку я очень ревнивый, — говорит Бог, — не поклоняйтесь никому другому. Я не могу этого потерпеть». Кто создал такого Бога? Должно быть, из собственной ревности, из собственного гнева вы создали такой образ. Это ваша проекция, ваша тень. Это отражает вас и никого другого. И то же самое со всеми богами всех религий.

Именно из-за этого Будда никогда не говорил о Боге. Он говорил:

— Какой смысл говорить о Боге с людьми, которые спят? Они будут слушать во сне. Они будут видеть сны обо всем, что им говорят, они создадут собственных богов, которые будут совершенно фальшивыми, совершенно бессильными, совершенно бессмысленными. Лучше, чтобы таких богов вообще не было.

Именно поэтому Будда не заинтересован в том, чтобы говорить о богах. Он заинтересован лишь в том, чтобы вас разбудить.

Есть история о буддистском просветленном мастере, который сидел однажды вечером на берегу реки, наслаждаясь звуками воды, звуком ветра в кронах деревьев... К нему подошел человек и спросил:

— Не мог бы ты в одном слове передать мне сущность своей религии?

Этот мастер остался в молчании, полном молчании,

словно не слышал вопроса. Человек сказал:

— Ты что, глухой?

— Я слышал твой вопрос и уже ответил на него! Ответ — молчание. Я остался в молчании — эта пауза, этот интервал и были моим ответом.

Человек сказал:

— Я не могу понять такого таинственного ответа. Не мог бы ты высказать это немного яснее?

И мастер написал на песке слово «медитация», пальцем, маленькими буквами. Человек сказал:

— Теперь я могу прочитать. Это немного лучше, чем в прошлый раз. По крайней мере, у меня есть слово, и я могу о нем размышлять. Но не мог бы ты высказать это еще немного яснее?

Мастер написал снова: «МЕДИТАЦИЯ». Конечно, теперь он написал буквами побольше. Человек почувствовал себя немного смущенным, озадаченным, обиженным, сердитым. Он сказал:

— Снова ты пишешь «медитация»? Неужели ты не можешь сказать мне яснее?

И мастер написал большими, заглавными буквами:

«МЕДИТАЦИЯ».

— Кажется, ты сумасшедший! — сказал человек.

— Я уже достаточно далеко отошел от истины, — сказал мастер. — Первый ответ был правильным, второй не совсем правильным, третий еще более неправильным, а четвертый — совершенно ошибочным, — потому что, написав «МЕДИТАЦИЯ» заглавными буквами, обожествляешь ее.

Именно поэтому Бог пишется с заглавной буквы. Каждый раз, когда ты хочешь сделать что-то высшим, предельным, ты пишешь это слово с заглавной буквы. Мастер сказал:

— Я уже совершил грех.

Он стер все эти слова и сказал:

— Пожалуйста, прислушайся к моему первому ответу — только в нем я был прав.

Тишина — это место, в котором каждый пробуждается в то время как хаос ума погружает в сон. И если ум твой все еще задает вопросы — значит ты спишь. Сидя безмолвно, в тишине, когда ум исчезает, ты можешь услышать щебетание птиц, и никакой работы ума полная тишина... это пение птиц, щебетание и никакой работы ума, внутреннее безмолвие, тогда пробуждение приходит к тебе. Оно не приходит извне, оно вырастает изнутри. В противном случае помни — ты спишь.

Я вообще никогда не использую слово «отречение». Я говорю: Радуйся жизни, медитации, красоте мира, экстазу существования — радуйся всему! Преврати обыденное в священное. Преврати этот берег в дальний берег, преврати эту землю в рай.

И тогда косвенным образом начинает случаться некое отречение. Но оно случается, ты это не делаешь. Это не действие, это происшествие. Ты начинаешь отрекаться от собственной глупости; ты начинаешь отрекаться от мусора. Ты начинаешь отрекаться от бессмысленных отношений. Ты начинаешь отрекаться от работ, которые не удовлетворяют твое существо. Ты начинаешь отрекаться от мест, в которых рост невозможен. Но я не назову этого отречением; я называю это пониманием, осознанностью.

Если ты носишь в руках камни, думая, что это бриллианты, я не скажу тебе отречься от этих камней. Я скажу: «Будь бдительнее и присмотришь получше!» Если ты увидишь, что это не бриллианты, нужно ли будет от них отречься? Они сами собой выпадут у тебя из рук. Фактически, большое усилие и большая сила воли потребуются, чтобы продолжать их носить. Но ты не сможешь продолжать их носить долго; однажды увидев, что они бесполезны, бессмысленны, ты неизбежно их выбросишь.

И как только твои руки пусты, ты можешь начать искать настоящие сокровища. А настоящие сокровища — не в будущем. Настоящие сокровища — прямо сейчас, здесь.

О Людях и Крысах

Пробуждение — это путь к жизни.

Дурак, спит, словно он уже мертв,

Но мастер пробужден, и он живет вечно.

Он наблюдает. Он ясен.

Как он счастлив! Ибо он видит, что пробуждение есть жизнь.

Как он счастлив, следуя пути пробужденных!

С великой настойчивостью он медитирует В поисках свободы и счастья,

Из Дхаммапады Гаутамы Будды

Мы постоянно живем абсолютно невнимательно к тому, что происходит вокруг нас. Да, мы стали очень эффективными в том, чтобы что-то делать. Что бы мы ни делали, мы стали в этом настолько эффективными, что для этого нам больше не требуется никакой осознанности. Это стало механическим, автоматическим. Мы функционируем, как роботы. Мы еще не люди; мы машины.

Именно это снова и снова говорил Георгий Гурджиев — что человек существует, как машина. Многих людей это оскорбляло, потому что никому не нравится, когда его называют машиной. Машины хотят, чтобы их называли богами; тогда они очень довольны и раздуваются от радости. Гурджиев часто называл этих людей машинами, и он был прав. Если ты понаблюдаешь себя, то узнаешь, насколько механически себя ведешь.

Русский психолог Павлов и американский психолог Скиннер на девяносто девять и девять десятых процента правы в отношении человека: они верят, что человек — это прекрасная машина, ничего больше. В нем нет никакой души. Я говорю, что в девяносто девяти и девяти десятых процента случаев они правы; они упускают из виду лишь небольшой сектор. В этом небольшом секторе — будды, пробужденные. Но это им простительно, потому что Павлов никогда не сталкивался с буддой — он сталкивался только с такими людьми, как вы.

Скиннер изучал людей и крыс и не нашел между ними никаких различий. Крысы — простые существа, вот и все; человек немного сложнее. Человек — это очень сложная машина, крысы — машины попроще. Крыс изучать легче; именно поэтому психологи всегда изучают крыс. Изучая крыс, они выводят заключения о человеке — и их заключения почти правильны. Я говорю «почти», заметьте, потому что эта одна десятая процента — самое важное из всех когда-либо случившихся явлений. Будда, Иисус, Мухаммед — эти немногие пробужденные являются настоящими людьми. Но где найдет будду Б. Ф. Скиннер? Не в Америке, конечно...

Я слышал:

Кто-то спросил раввина:

— Почему Иисус решил не родиться в двадцатом веке в Америке?

Раввин пожал плечами и ответил:

— В Америке? Это было бы невозможно. Во-первых, сможете ли вы найти непорочную деву? И во-вторых, где вы найдете трех мудрецов?

Где Б. Ф. Скиннеру найти будду? И даже если бы он нашел будду, его предубеждения, предрассудки и идеи не дали бы ему его увидеть. Он будет продолжать видеть крыс. Он не может понять ничего такого, чего бы не могли делать крысы. Как же, крысы не медитируют, крысы не становятся просветленными. А его концепция человека — увеличенная модель крысы. И все же я говорю, что он прав в отношении подавляющего большинства людей; его заключения не ошибочны, и будды согласятся с ним в отношении так называемого нормального

человечества. Нормальное человечество крепко спит. Даже животные так крепко не спят.

Видели ли вы оленя в лесу — каким внимательным он выглядит, как бдительно движется? Видели ли вы птицу на дереве — как разумно она продолжает наблюдать все, что происходит вокруг нее? Подойди к птице — она позволит тебе приблизиться лишь на определенное расстояние. Стоит тебе сделать лишь шаг за его пределы, и она улетит. В ней есть определенная бдительность в отношении своей территории. Если кто-то вторгается на эту территорию, это опасно.

Если вы оглянетесь вокруг, вы удивитесь: человек кажется самым сонным животным на земле.

На аукционе, где распродавалось имущество городского борделя, женщина купила себе попугая. Две недели она закрывала его клетку платком в надежде, что это поможет птице забыть ее вульгарный лексикон. Когда же в конце концов клетка была открыта, попугай огляделся по сторонам и изрек:

— Ар-р! Нов-вый дом. Нов-вая Мадам.

Когда вошли дочери этой женщины, он добавил:

— Ар-р! Нов-вые девочки.

Когда же вечером пришел с работы ее муж, попугай сказал:

— Ар-р! Ар-р! Стар-рые добр-рые клиенты!

Человек пребывает в очень низменном состоянии. Фактически, именно в этом смысл христианской притчи о падении Адама и его изгнании. Почему Адам и Ева были изгнаны из рая? Они были изгнаны за то, что съели плод знания.

Они были изгнаны за то, что стали *умами* и утратили *сознание*. Если ты становишься умом, ты теряешь сознание — ум означает сон, ум означает шум, ум означает механичность. Становясь умом, ты теряешь сознание.

Таким образом, вся работа, которая должна быть проделана, состоит в том, чтобы снова стать сознанием и лишиться ума. Ты должен выбросить

из своей системы все, что собралось в ней как знание. Именно это знание удерживает тебя во сне; таким образом, чем более человек знающий, тем более он спит.

Таким же было и мое собственное наблюдение. Невинные деревенские жители гораздо более чутки и бдительны, чем профессора в университетах или пандиты в храмах. Пандиты — не кто иной, как попугаи; академики в университетах — не что иное, как священный коровий навоз, полный бессмысленного шума, — просто умы, никакого сознания.

Люди, которые работают с природой: фермеры, садовники, дровосеки, плотники, художники, — гораздо более бдительны, чем люди, которые занимают в университетах посты деканов, проректоров и ректоров. Потому что, когда ты работаешь с природой, природа бдительна. Деревья бдительны; форма их бдительности, несомненно, отличается от нашей, но они очень бдительны.

Сейчас эта бдительность получила научные доказательства. Если приходит дровосек, с топором в руках и намерением срубить дерево, все деревья, воспринимающие его приближение, начинают дрожать. Сейчас этому есть научные доказательства; я не поэтизирую, я это говорю вполне научно. Сейчас есть инструменты, при помощи которых можно определить, счастливо дерево или несчастно, испугано ли, печально или восторженно. Когда приближается дровосек, при виде его деревья дрожат. Они осознают, что приближается смерть. А дровосек еще не срубил дерева — он только приближается...

И еще одно, что еще более странно: если дровосек просто идет мимо, без намерения срубить дерево, тогда ни одно дерево не пугается. Это тот же самый дровосек с тем же самым топором. Кажется, на деревья воздействует его *намерение* срубить дерево. Это означает, что

деревья воспринимают его намерение; это означает, что деревья считают *саму* его вибрацию.

И еще более значительный факт, замеченный наукой:

если ты идешь в лес и убиваешь животное, это потрясает не только окружающее животное царство, но и деревья. Если ты убиваешь оленя, все олени кругом чувствуют вибрацию убийства, и им становится грустно; их охватывает великая дрожь. Внезапно им становится страшно без всякой определенной причины. Может быть, они не видели, как был убит олень, но каким-то образом, тонким образом, на них это повлияло — как повлияло и на деревья, на попугаев, на тигров, на орлов, на травинки. Случилось убийство, случилось разрушение, случилась смерть — это влияет на все вокруг. Человек кажется самым сонным...

На эти сутры Будды нужно глубоко медитировать, их нужно впитать, понять. Он говорит:

Пробуждение — это путь к жизни.

Ты жив лишь пропорционально тому, насколько ты осознан. Осознанность — это разница между жизнью и смертью. Ты не жив лишь потому, что дышишь, ты не жив лишь потому, что у тебя бьется сердце. Физиологически в тебе можно поддерживать жизнь в больнице, без всякого сознания. Твое сердце будет продолжать биться, и ты сможешь дышать. Тебя можно поддерживать механически в таком состоянии, что ты останешься живым много лет — в том смысле, что будет продолжаться твое дыхание, сердце будет продолжать биться, и кровь будет продолжать циркулировать. В развитых странах мира сейчас есть много людей, ведущих овощное существование в больницах, потому что развитие технологии сделало возможным откладывать смерть на неопределенный срок — многие годы в тебе можно поддерживать жизнь. Если это жизнь, тогда в тебе можно поддерживать жизнь. Но это совершенно не жизнь. Просто овощное существование; это не жизнь.

У будд определение другое. Их определение состоит в сознании. Они не говорят, что ты жив, потому что можешь дышать, они не говорят, что ты жив, потому что в тебе циркулирует кровь; они говорят, что ты жив, лишь если ты пробужден. Таким образом, кроме пробужденных, никто по-настоящему не жив. Вы трупы — ходящие, говорящие, что-то делающие, вы роботы.

Пробуждение — это путь к жизни, говорит Будда. Станьте более пробужденными, и вы станете более живыми. А жизнь *есть* Бог — никакого другого Бога нет. Поэтому Будда говорит о жизни и осознанности. Жизнь составляет цель, осознанность — методологию, технику, чтобы ее достичь.

Дурак спит...

Спит каждый, поэтому под дураком подразумевается каждый из вас. Не обижайтесь. Факты нужно констатировать, как есть. Вы действуете во сне; именно поэтому вы продолжаете спотыкаться, продолжаете делать вещи, которых не хотите делать. Вы продолжаете делать вещи, которых решили не делать. Вы продолжаете делать вещи, о которых знаете, что они неправильны, и не делаете вещей, о которых знаете, что они правильны.

Как это возможно? Почему вы не можете идти прямо? Почему продолжаете сбиваться на ответвления и заходить в никуда не ведущие тупики? Почему вы продолжаете заблуждаться?

Студента театрального училища впервые пригласили сыграть небольшую роль в пьесе. В определенном месте он должен был выйти на сцену, вытянув перед собой руки, словно подавая меч, и сказать главному герою:

— Волобуев, вот ваш меч!

Он стал так интенсивно репетировать и готовиться, что друзья стали его дразнить:

— Спорим, что вместо «Волобуев» ты скажешь «Во-лох...ев»!

Было заключено пари, и он стал тренироваться еще интенсивнее. Наконец наступил день премьеры. В назначенный момент дебютирующий актер вышел на сцену, направив все внимание на то, чтобы не оговориться, и вытянул перед собой руки, словно подавая тяжелый меч.

Воло-бу-ев! — говорит он во всю мощь своего голоса и, бросив торжествующий взгляд на друзей, сидящих в зале, объявляет: — Вот ваш х...й! *

[* Анекдот, основанный на игре слов, в связи с просьбой Ошо переводить его, а не его слова, даже если это неправильно, переводчик позволяет себе заменить аналогичным, интегрированным в русский язык, театральным анекдотом, так как чувствует, что объясненная шутка перестает быть смешной, а в этом месте, по ощущению переводчика, переводу подлежат более шок и смех, чем буквальные слова и выражения.]

Происходит именно так. Наблюдайте свою жизнь — все что вы продолжаете делать, так несуразно и создает такую сумятицу. У вас нет никакой ясности, у вас нет никакой восприимчивости. Вы не бдительны. Вы не можете видеть, не можете слышать — конечно, у вас есть уши, которые слышат, но нет никого внутри, кто понимал бы услышанное. Конечно, у вас есть глаза, которые видят, но никто не присутствует внутри. И вот ваши глаза продолжают видеть, а уши — слышать, но вы ничего не понимаете. На каждом шагу вы спотыкаетесь, на каждом шагу делаете какую-то глупость... И все же продолжаете считать себя осознанными.

Отбросьте эту идею совершенно. Отбросить ее — великий скачок, великий шаг, потому что, как только идея «Я осознаю» отброшена, ты начнешь исследовать и искать пути и средства к тому, чтобы действительно начать осознавать. Поэтому первое, что должно просочиться в тебя, — это что ты спишь, крепко спишь.

Современная психология обнаружила несколько важных вещей; и, хотя их открыли лишь интеллектуально, все же это хорошее начало. Если они интеллектуально открыты, рано или поздно они будут экзистенциально пережиты.

Фрейд был великим пионером; конечно, не буддой, но все же человеком большой важности, потому что он первым заставил большую часть человечества признать идею того, что в нем скрыто бессознательное. Сознательный ум — это только одна десятая часть, а бессознательный ум гораздо больше сознательного.

Его ученик, Юнг, пошел немного дальше, немного глубже и обнаружил коллективное бессознательное. Теперь нужен еще кто-то, кто обнаружил бы еще одно, что есть в человеческой природе, — и я надеюсь, что рано или поздно психологические исследования это откроют, — космическое бессознательное. О нем говорят Будды.

Мы можем говорить о сознательном уме... — очень хрупкая вещь, очень небольшая часть твоего существа. Под ним находится подсознательный ум, — ты смутно ощущаешь, что он тебе что-то шепчет, но не можешь понять, что именно. Он всегда стоит позади сознательного и дергает его за веревочки. Третий слой — бессознательный ум, с которым ты сталкиваешься лишь в снах или под воздействием наркотиков. За ним — коллективный бессознательный ум. С ним ты сталкиваешься, лишь глубоко исследуя бессознательный ум; тогда ты находишь коллективное бессознательное. А если ты пойдешь еще дальше и глубже, то придешь к космическому бессознательному. Космическое бессознательное — это сама природа. Коллективное бессознательное — это все человечество, которое жило до сих пор; это часть тебя. Бессознательное — это твое индивидуальное бессознательное, которое подавило в тебе общество и которому не было позволено выразиться; поэтому оно входит через черный ход, в снах.

А сознательный ум... Я буду называть его так называемым сознательным умом, потому что он действительно только так называемый. Он безмерно мал; но даже если он лишь едва мерцает, все равно он важен, потому что содержит семя; семена всегда очень малы. В нем содержится огромный потенциал. Он открывает совершенно другое измерение. Точно так же, как Фрейд открыл измерение под сознательным, Шри Ауробиндо открыл измерение над сознательным. Фрейд и Шри Ауробиндо — два самых важных человека этого века. Оба они интеллектуалы, ни

один из них не пробужден, но они сослужили человечеству огромную службу. Интеллектуально они дали нам осознать, что мы не так малы, как кажемся на поверхности, что эта поверхность скрывает великие глубины и высоты.

Фрейд вошел в глубины, Шри Ауробиндо попытался проникнуть в высоты. Над нашим так называемым сознательным умом находится настоящий сознательный ум; он достигается только в медитации. Когда к вашему обычному сознательному уму добавляется медитация, когда обычный сознательный ум сочетается с медитацией, он становится настоящим сознательным умом.

За настоящим сознательным умом — сверхсознательный ум. В медитации ты получаешь лишь его проблески. Медитация — это блуждание в темноте. Да, открываются некоторые окна, но ты снова и снова падаешь обратно. Сверхсознательный ум означает *самадхи* — ты достиг кристально чистой восприимчивости, ты достиг интегрированной осознанности. Теперь ты не можешь упасть ниже нее; она твоя. Она остается с тобой даже во сне.

За пределами сверхсознательного — коллективное сверхсознательное; коллективное сверхсознательное — это то, что во всех религиях известно как «бог». А за пределами коллективного сверхсознательного — космическое сверхсознательное, выходящее за пределы даже богов. Будда называет его *нирваной*, Махавира называет его *кайвальей*, индуистские мистики называют его *мокшей*; вы можете называть его истиной.

Это девять состояний твоего существа. А ты живешь лишь в небольшом уголке своего существа — в крошечном сознательном уме. Ты подобен человеку, у которого есть дворец и который совершенно забыл о дворце и начал жить у его дверей — думая, что больше ничего нет.

Фрейд и Шри Ауробиндо — великие интеллектуальные гиганты, пионеры, философы, хотя их работы во многом основываются на догадках. Вместо того чтобы учить студентов философии Бертрانا Расселла, Альфреда Нор-та Уайтхеда, Мартина Хайдеггера и Жан-Поля Сартра, лучше было бы рассказывать людям больше о Шри Ауробиндо, потому что он был одним из величайших философов этого века. Но академический мир им пренебрегает, совершенно его игнорирует. Причина в том, что даже просто почитать Шри Ауробиндо достаточно, чтобы возникло ощущение собственной неосознанности. Он сам еще не будда, но все же он создаст для тебя смущающую ситуацию. Если он прав, что тебе делать? Почему ты не исследуешь высоты своего существа?

Фрейда приняли с большим сопротивлением, но в конце концов приняли. Шри Ауробиндо еще даже не приняли. Фактически, его даже никто не опровергает: его просто игнорируют. И причина ясна. Фрейд говорит о чем-то низшем, чем ты, — это не смущает; ты можешь хорошо себя чувствовать, зная, что ты сознательный, а под твоим сознанием есть подсознательное, бессознательное и коллективное бессознательное. Но эти состояния ниже тебя; ты на вершине, ты можешь чувствовать себя очень хорошо. Но, изучая Шри Ауробиндо, ты почувствуешь смущение, обиду, потому что есть состояния выше твоего — человеческому это никогда не хочется признавать, что что-то может быть выше него. Человеку хочется считать себя величайшей из вершин, кульминацией, Гуришанкар, Эверестом — и верить, что выше него ничего нет...

И это дает очень хорошее чувство: отрицая свое собственное царство, отрицая свои собственные вершины, вы чувствуете себя очень хорошо. Посмотрите, как это глупо.

Будда прав. Он говорит: *Дурак спит, словно он уже мертв, но мастер пробужден, и он живет вечно.*

Осознанность вечна, она не знает смерти. Умирает лишь неосознанность. Поэтому, если ты останешься бессознательным, спящим, тебе придется снова умереть. Если ты хочешь избавиться

от всего несчастья снова и снова рождаться и умирать, если хочешь избавиться от колеса жизни и смерти, тебе придется стать абсолютно бдительным. Тебе придется подниматься в сознании выше и выше.

Эти вещи — не для восприятия на интеллектуальной почве; эти вещи должны стать опытом, эти вещи должны стать экзистенциальными. Я говорю не для того, чтобы философски вас убедить, потому что философское убеждение не приносит ничего, никакого урожая. Настоящий урожай приходит, лишь когда ты совершаешь великое усилие, чтобы проснуться.

Но эти интеллектуальные путеводители могут создать в тебе желание, жажду; могут дать тебе осознать потенциал, осознать свои возможности; могут дать тебе осознать, что ты не то, чем кажешься, — ты гораздо большее.

Дурак, спит, словно уже мертв, но мастер пробужден, и он живет вечно. Он наблюдает. Он ясен.

Простые и красивые слова. Истина всегда проста и всегда красива. Просто увидите простоту этих двух утверждений... но сколько в них содержится! Миры внутри слов, бесконечные миры... — Он наблюдает. Он ясен.

Единственное, чему нужно научиться, — это наблюдение. Наблюдай! Наблюдай каждое действие, которое совершаешь. Наблюдай каждую мысль, проходящую в уме. Наблюдай каждое желание, охватывающее тебя. Наблюдай даже незначительные жесты — как ты ходишь, говоришь, ешь, принимаешь ванну. Продолжай наблюдать, во всем, везде. Пусть все становится возможностью наблюдать.

Не ешь механически, не продолжай просто набивать себя пищей — будь очень наблюдательным. Жуй тщательно и наблюдательно... и ты удивишься тому, сколько упускал до сих пор, потому что каждый кусок будет приносить огромное удовлетворение. Если ты ешь наблюдательно, еда станет вкуснее. Даже обычная еда станет самой вкусной, если ты наблюдателен; а если ты не наблюдателен, ты можешь есть самую вкусную еду, но в ней не будет вкуса, потому что нет никого, кто мог бы наблюдать. Ты просто продолжаешь набивать себя пищей. Ешь медленно, наблюдательно; каждый кусок нужно прожевать, почувствовать.

Вдыхай запах, ощущай прикосновение, чувствуй порыв ветра и солнечные лучи. Смотри на луну, и стань просто безмолвным водоемом наблюдательности, и луна будет отражаться в тебе в безмерной красоте.

Двигайся по жизни, оставаясь полностью наблюдательным. Снова и снова ты забудешь. Не становись из-за этого несчастным; это естественно. Миллионы жизней ты никогда не пытался наблюдать, и это так просто и естественно, что ты продолжаешь забывать снова и снова. Но в то же мгновение, как вспоминаешь, наблюдай снова.

Помни одно: когда вспоминаешь, что забыл наблюдать, не сожалей, не раскаивайся; иначе ты потеряешь время даром. Не чувствуй себя несчастным: «Я снова упустил». Не начинай чувствовать: «Я грешник». Не начинай себя осуждать, потому что это суцая потеря времени. Никогда не раскаивайся в прошлом! Живи в этом мгновении. Если ты забыл, ну и что? Это естественно — это стало привычкой, а привычки умирают с трудом. И это не просто привычка, усвоенная за одну жизнь; эти привычки устанавливались миллионы жизней. Поэтому, если ты можешь оставаться наблюдательным хотя бы несколько мгновений, будь благодарен. Даже эти несколько мгновений — больше, чем можно ожидать. Он наблюдает. Он ясен.

И когда ты наблюдаешь, возникает ясность. Почему ясность возникает из наблюдения? Потому что, чем более ты в наблюдении, тем более и более замедляется твоя поспешность. Ты становишься изящнее. По мере того как ты наблюдаешь, болтовни становится меньше и меньше, потому что энергия, становившаяся болтовней, начинает становиться наблюдением — та же самая энергия! Теперь больше и больше энергии будет преобразовано в наблюдение, и ум не

будет получать питания. Мысли будут становиться тоньше и тоньше, они начнут терять в весе. Мало-помалу они начнут отмирать. А когда мысли умирают, возникает ясность. Теперь твой ум превращается в зеркало.

Как он счастлив! И когда человек ясен, он блажен. Именно замешательство становится коренной причиной несчастья; именно ясность становится основой блаженства. *Как он счастлив!* Ибо он видит, что пробужденность есть жизнь.

И теперь он знает, что смерти нет, потому что пробужденность никогда не может быть разрушена. Когда приходит смерть, будешь наблюдать и ее. Ты умрешь, наблюдая, — наблюдение не умрет. Твое тело исчезнет, прах вернется во прах, но наблюдение останется; оно станет частью космического целого. Оно станет космическим сознанием.

В эти мгновения пророки Упанишад объявляют:

«Ахам брахмасми — Я космическое сознание». В одно из таких мгновений Аль-Хилладж Мансур объявил:

«Аналь хак! — Я истина!» Это высоты, принадлежащие тебе по праву. Если ты их не достигаешь, за это ответствен ты и никто другой.

Как он счастлив! Ибо он видит, что пробуждение есть жизнь.

Как он счастлив, следуя пути пробужденных!

С великой настойчивостью он медитирует

В поисках свободы и счастья.

Слушайте эти слова очень внимательно. *С великой настойчивостью...* Пока ты не приложишь тотального усилия, чтобы проснуться, этого не случится. Частичные усилия бесполезны. Ты не можешь быть наполовину здесь, наполовину там; не можешь быть чуть теплым. Это не поможет. Чуть теплая вода не испарится; чуть теплые попытки быть бдительным обречены на поражение.

Трансформация происходит, лишь если ты вкладываешь в нее тотально всю свою энергию. Когда ты кипишь при ста градусах нагрева, ты испаряешься, и происходит алхимическая перемена. Тогда ты начинаешь подниматься вверх. Вы не замечали? — вода течет вниз, но пар поднимается вверх. Точно так же происходит и это: бессознательность течет вниз, сознание поднимается вверх.

И еще одно: «вверх» синонимично «внутри», а «вниз» — «наружу». Сознание движется внутрь, бессознательность — наружу. Бессознательность удерживает вас в полной тьме; ваши глаза остаются постоянно сфокусированными на других. Это создает своего рода экстравертность и удерживает вас снаружи. Сознание создает внутреннее пространство. Оно делает вас интровертами; оно вводит вас вовнутрь, глубже и глубже.

Глубже и глубже также значит выше и выше; глубина и высота растут одновременно, точно как растет дерево. Ты видишь только, что оно движется вверх, но не видишь, что корни движутся вниз. Но сначала корни должны опуститься вниз, и лишь тогда дерево может расти вверх. Если дерево хочет дотянуться до неба, ему придется пустить корни к самому дну, в самые глубины. Дерево растет одновременно в обоих направлениях. Точно таким же образом сознание растет вверх... вниз, пуская корни в глубь твоего существа.

Корни Страдания

Страдание это состояние бессознательности. Мы несчастны, потому что не осознаем, что делаем, что думаем, что чувствуем, — в каждое мгновение мы постоянно сами себе противоречим. Действие движется в одном направлении, мышление — в другом, чувства — в третьем. Мы постоянно разваливаемся на части, становимся более и более раздробленными. Именно это и есть страдание — мы теряем целостность, теряем единство. Мы становимся просто периферией, абсолютно лишенной центра. И естественно, жизнь, которая не гармонична, будет несчастной, трагической; будет бременем, которое нужно кое-как тащить в страдании. Самое большее — мы можем сделать это страдание менее болезненным. В нашем распоряжении тысяча и одна разновидность обезболивающих средств.

Это не только алкоголь и наркотики — так называемые религии тоже действуют, как опиум. И естественно, все религии против наркотиков, потому что они сами работают на том же рынке; они конкурируют. Если люди принимают опиум, они могут не быть религиозными; у них может не быть потребности в том, чтобы быть религиозными. Они нашли свой опиум, зачем беспокоиться о религии? Опиум дешевле, с ним меньше возни. Если люди принимают марихуану, ЛСД и другие более изощренные наркотики, естественно, они не будут религиозными, потому что религия — это очень примитивный наркотик. Поэтому все религии против наркотиков. Причина не в том, что они действительно против наркотиков. Причина в том, что наркотики создают конкуренцию, и конечно, если людям не позволить принимать наркотики, они обречены на то, чтобы попасться в ловушки священников, потому что им больше ничего не остается. Это способ каждой из религий создать монополию, чтобы на рынке оставался только ее собственный опиум, а все остальные были запрещены.

Люди живут в страдании. Из него есть лишь два выхода: либо стать медитирующими — бдительными, осознанными, сознательными... это тяжелое дело. Для этого нужен хребет. Более дешевый путь — найти что-то, что сделает тебя более бессознательным, чем ты уже есть, чтобы ты смог перестать чувствовать страдание... Найти что-то, что делает тебя совершенно нечувствительным, что-то опьяняющее, болеутоляющее, что сделает тебя бессознательным, чтобы ты мог бежать в бессознательность и совершенно забыть о своей тревоге, тоске, бессмысленности.

Второй путь — не истинный. Второй путь лишь делает страдание немного более комфортным, немного более выносимым, немного более удобным. Но это не помогает — это не трансформирует тебя. Единственная возможная трансформация случается в медитации, потому что медитация — единственный метод, делающий вас осознанным. Для меня медитация — единственная истинная религия. Все остальное — фальшивка. Есть разные сорта опиума: христианство, индуизм, ислам, джайнизм, буддизм, — но все это лишь разные сорта. Вместилища различаются, но содержимое остается прежним: все они помогают вам так или иначе подстроиться под свое страдание.

Мое усилие здесь в том, чтобы вывести вас за пределы страдания. Не стоит подстраиваться под страдание; есть возможность быть совершенно свободным от страдания. Но тогда путь будет тяжким; тогда путь будет вызовом.

Тебе придется осознать свое тело и то, что ты с ним делаешь...

Однажды Будда читал лекцию, и послушать его пришел один король. Он сидел прямо перед Буддой и постоянно шевелил большим пальцем ноги. Будда перестал говорить и посмотрел на большой палец короля. Когда Будда посмотрел на него, король, естественно, перестал им шевелить. Будда снова заговорил, и снова он начал шевелить большим пальцем ноги. Тогда

Будда спросил:

— Почему ты это делаешь? Король сказал:

— Только когда ты перестал говорить и посмотрел на мой палец, я осознал, что делал; все остальное время я этого не осознаю.

— Это твой палец, и ты его не осознаешь... Тогда ты можешь даже убить человека, не осознавая этого!

Точно таким же образом могут совершаться убийства, и убийцы могут этого не осознавать. Много раз бывало так, что в суде убийцы категорически отрицали, что кого-то убили. Сначала считалось, что они обманывают суд, но последние исследования показывают, что они не лгут; они совершили убийство в совершенно бессознательном состоянии. Они были так взбешены, так разъярены, что оказывались совершенно одержимыми своим гневом. А когда ты взбешен, тело выделяет определенные опьяняющие яды, и кровь становится отравленной. Быть в бешенстве значит быть в состоянии временного безумия. И человек забывает об этом все, потому что совершенно этого не осознает. И именно так люди влюбляются, убивают друг друга, совершают самоубийство, делают всевозможные вещи.

Первый шаг в осознанности — стать очень внимательным к своему телу. Мало-помалу человек становится бдительным в каждом жесте, в каждом движении. По мере того как ты становишься более осознанным, начинает происходить чудо: многие вещи, которые ты делал раньше, просто исчезают. Твое тело становится более расслабленным, более сонатроенным, глубокий мир воцаряется в твоём теле, тонкая музыка пульсирует в твоём теле.

Тогда начни осознавать мысли — то же самое нужно сделать с мыслями. Они тоньше тела и, конечно, гораздо опаснее. И когда ты осознаешь мысли, тебя уди вит, что происходит у тебя внутри. Если ты запишешь все, что происходит в тебе в любое мгновение, тебя ждёт великая неожиданность. Ты не поверишь: «И это продолжается у меня внутри?» Просто продолжай писать десять минут. Закрой двери, запри двери и окна, чтобы никто не мог войти, и будь абсолютно честным — и разожги огонь, чтобы сжечь написанное! — никто не узнает, кроме тебя. И тогда будь действительно честным; продолжай записывать все, что происходит внутри ума. Не истолковывай этого, не меняй, не редактируй. Просто перенеси это на бумагу, в голом виде, в точности, как есть.

Через десять минут прочитай — и ты увидишь внутри безумный ум! Мы не осознаем, что все это безумие продолжается, как подводное течение. Оно влияет на все, что только значительно в твоей жизни. Оно влияет на то, что ты делаешь; оно влияет на все. И полная сумма всего этого и есть твоя жизнь!

Таким образом, этого сумасшедшего нужно изменить. И чудо осознанности в том, что не нужно делать ничего, кроме как стать осознанным. Само явление наблюдения этого меняет все. Мало-помалу сумасшедший исчезает. Мало-помалу мысли начинают следовать определённому образцу: их хаоса больше нет, они становятся более и более космосом. И тогда воцаряется более глубокий мир.

И когда твоё тело и ум в покое, ты увидишь, что и они сонатроены друг с другом, между ними есть мост. Теперь они не бегут в разные стороны, не едут на разных лошадях. Впервые есть гармония, и эта гармония оказывает огромную помощь в том, чтобы работать над третьим шагом — то есть осознавать чувства, эмоции, настроения. Это самый тонкий слой и самый трудный, но если ты можешь осознавать мысли, это всего лишь один шаг дальше. Нужна лишь немного более интенсивная осознанность, и ты начнешь отражать свои настроения, эмоции, чувства.

Как только ты осознаешь все эти три слоя, они соединяются в одно явление. И когда эти три слоя становятся одним, начинают действовать в полной гармонии, вибрировать вместе, ты

можешь почувствовать музыку всех трех: они становятся оркестром — и тогда случается четвертое. Этого ты не можешь сделать — это случается само собой, это дар целого. Это награда для тех, кто сделал эти три шага.

Четвертое — это предельная осознанность, которая делает человека пробужденным. Человек осознает собственную осознанность — это четвертое. Это делает человека буддой, пробужденным. И только в таком пробуждении человек узнает, что такое блаженство. Блаженство — это цель, осознанность — путь к нему.

Гераклит говорит:

В мгновения бодрствования

Люди так же забывчивы и небрежны

К тому, что вокруг них происходит,

Как и когда спят.

Дураки, хотя и слышат,

Все равно что глухие;

К ним применима пословица:

Где бы они ни были, Их там нет.

Человек не должен действовать или говорить,

Словно во сне.

Пробужденные живут в одном общем мире;

Каждый из спящих — в своем собственном.

Что бы мы ни видели, когда бодрствуем, — это смерть,

Когда спим, — это сны.

Гераклит касается глубочайшей проблемы человека, и она заключается в том, что человек крепко спит наяву.

Ты спишь, когда спишь, но спишь и когда бодрствуешь. Какой в этом смысл? — потому что именно это говорит и Будда, именно это говорит и Иисус, именно это говорит Гераклит. Вы выглядите так, словно совершенно проснулись; глубоко внутри продолжается сон.

Даже прямо сейчас глубоко внутри вы видите сны. Продолжается тысяча и одна мысль, и вы не осознаете, что происходит, не осознаете, что делаете, не осознаете, кто вы. Вы движетесь так, как движутся люди во сне.

Наверное, вы знали кого-то, кто ходит и что-то делает во сне, а потом снова засыпает. Есть болезнь, которая называется сомнамбулизм. Многие люди ночью встают с постели; у них открыты глаза, они могут двигаться! Они могут ходить, могут найти дверь. Они идут на кухню, начинают что-то есть; потом возвращаются и снова ложатся в постель. И если утром их об этом спросить, они ничего не вспомнят. Самое большее, если они попытаются вспомнить, то увидят, что прошлой ночью им приснился сон о том, что они проснулись и пошли на кухню. Но это был сон, самое большее; даже его вспомнить трудно.

Многие люди совершили преступления; многие убийцы, оказавшись в суде, говорили, что ничего не знают, что не помнят, чтобы они когда-нибудь сделали такую вещь. Дело не в том, что они обманывают суд, — нет. Сейчас психоаналитики пришли к выводу, что они не обманывают, не хитрят; они говорят абсолютную правду. Они не совершали убийства — ...они крепко спали, когда его совершили, словно это был сон. Этот сон глубже обычного сна. Этот сон подобен опьянению: ты можешь кое-как двигаться, что-то делать, можешь также немного осознавать это — но остаешься пьяным. Ты не знаешь точно, что происходит. Что ты сделал в прошлом? Можешь ли ты в точности это вспомнить, вспомнить, почему ты это сделал? Что с тобой случилось? Был ли ты бдителен, когда это случилось? Ты влюбляешься, не зная, почему; ты злишься, не зная, почему. Ты находишь предлоги, конечно; ты рационализируешь все что делаешь, но рационализация — это не осознанность.

Осознанность означает, что все, что бы ни происходило в это мгновение, происходит с полным сознанием; ты в этом присутствуешь. Если ты присутствуешь, когда приходит гнев, гнев

не может случиться. Он может случиться, лишь если ты крепко спишь. Если ты присутствуешь, в твоём существе немедленно начинается трансформация, потому что, когда ты присутствуешь, осознанный, многие вещи просто невозможны. Все, что называется грехом, просто невозможно, если ты осознаешь. Поэтому, фактически, есть лишь один грех — и это неосознанность.

Изначально слово *грех* значило «упустить». Это не значит совершить что-то плохое; это просто значит «упустить», «быть отсутствующим». Еврейский корень слова «грех» значит «упустить». [To miss (англ.) — здесь и далее прим. перев]

Он существует и в нескольких английских словах: *misconduct*, *misbehavior* [Соответственно, плохое обращение, плохое поведение.]. Упустить — значит не быть на месте, сделать что-то, не присутствуя в этом, — и это и есть единственный грех.

А единственная добродетель? Делая что-то, ты полностью бдителен — то, что Гурджиев называет «помнить себя», что Будда называет правильным воспоминанием, что Кришнамурти называет осознанностью, что Кабир называет *сурати*. Быть на месте! — вот все, что нужно, ничего больше.

Тебе не нужно ничего менять, и даже если ты попытаешься что-то изменить, то не сможешь. Ты пытался изменить в себе многие вещи. Добился ли ты успеха? Сколько раз ты решал больше не приходить в гнев? Что случилось с этим решением? Когда приходит момент, ты снова попадаешь в ту же ловушку: ты приходишь в гнев, и когда гнев проходит, снова раскаиваешься. Это стало порочным кругом: ты совершаешь гнев и раскаиваешься, и вот ты готов совершить его снова.

Помни, даже когда ты раскаиваешься, ты не на месте; это раскаяние — тоже часть греха. Именно поэтому ничего не происходит. Ты продолжаешь пытаться и пытаться, и принимаешь многие решения, и даешь много клятв, но ничего не происходит — ты остаешься прежним.

Ты точно такой же, что и когда родился, и с тобой не случилось ни малейшей перемены. Не то чтобы ты не пытался, не то чтобы пытался недостаточно; ты пытался и старался изо всех сил. Ты потерпел поражение, потому что дело не в усилении. Никакое усилие не поможет. Дело в том, чтобы быть бдительным, не в усилении.

Если ты бдителен, многие вещи будут просто отброшены; тебе не понадобится их отбрасывать. В осознанности определенные вещи невозможны. И это мое определение, нет никакого другого критерия. Если ты не можешь влюбиться [To fall in love (англ.) — влюбиться, дословно: «упасть в любовь»; английское идиоматическое выражение, не имеющее буквального соответствия в русском языке], оставаясь осознанным, значит, влюбиться — это грех. Ты можешь любить, но это не будет падением, это будет скорее восхождением. Почему мы используем выражение «падать в любовь»? Это падение; ты падаешь, ты не поднимаешься. Когда ты осознаешь, падение невозможно — даже в любовь. Это невозможно; это просто невозможно. В осознанности это невозможно; ты поднимаешься в любви. И подниматься в любви — совершенно другое явление, нежели чем падать в любовь. Упасть в любовь — это состояние сновидения. Именно поэтому это можно увидеть в глазах людей, которые влюблены: они спят крепче, чем другие, они более опьянены, погружены в сновидения. Это можно увидеть у них в глазах, потому что в их глазах есть что-то сонное. Люди, которые поднимаются в любви, совершенно другие. Можно увидеть, что они больше не видят снов, они смотрят реальности в лицо и благодаря этому растут.

Падая в любовь, ты остаешься ребенком; поднимаясь в любви, ты становишься зрелым. И мало-помалу любовь становится не отношениями, она становится состоянием существа. Не то что ты любишь это и не любишь то, нет — ты просто любишь. Кто бы к тебе ни подошел, ты с ними делишься. Что бы ни происходило, ты даешь этому свою любовь. Ты касаешься камня, и касаешься его так, словно касаешься тела возлюбленной. Ты смотришь на дерево, и смотришь

так, словно смотришь в лицо возлюбленному. Это становится состоянием существа. Ты не «влюблен» — теперь ты *есть* любовь. Это восхождение, не падение.

Любовь красива, когда ты в ней поднимаешься; любовь становится грязной и уродливой, когда ты в нее падаешь. И рано или поздно ты найдешь, что она оказывается ядовитой, она становится оковами. Ты в нее пойман, твоя свобода раздавлена. Твои крылья отрезаны; теперь ты больше не свободен. Влюбившись, ты становишься собственностью: ты владеешь кем-то и позволяешь кому-то владеть собой. Ты становишься вещью и пытаешься преобразовать в вещь человека, в которого влюбился.

Посмотрите на мужа и жену: оба они становятся, как вещи; они больше не люди. Оба они пытаются владеть друг другом. Владеть можно только вещами, никогда не людьми. Как можно владеть другим человеком? Как можно подавлять другого человека? Как можно превращать человека в собственность? Невозможно! Но муж пытается владеть женой; жена пытается делать то же самое. Тогда происходит столкновение, и они становятся по сути врагами. Тогда они разрушают друг друга.

Это случилось:

Мулла Насреддин приходит к заведующему кладбищем и жалуется:

— Я точно знаю, что мою жену похоронили здесь, на вашем кладбище, но не могу найти ее могилы.

Управляющий заглядывает в свою книгу и говорит:

— Как ее зовут?

— Миссис Мулла Насреддин. Он смотрит снова и говорит:

— Нет никакой миссис Мулла Насреддин, но есть какой-то Мулла Насреддин. Извините, если в наших записях какая-то ошибка.

— Никакой ошибки нет, — говорит Насреддин. — Где могила Муллы Насреддина? — потому что мы всегда все оформляли на мое имя.

Даже могилу жены!

Чувство собственности... Каждый пытается владеть своей возлюбленной, своим возлюбленным. Но это больше не любовь. Фактически, если ты владеешь человеком, ты ненавидишь, разрушаешь, убиваешь; ты убийца. Любовь должна давать свободу; любовь *есть* свобода. Любовь будет делать возлюбленного более и более свободным, любовь даст ему крылья, любовь откроет безграничные небеса. Она не может стать тюрьмой, заключением. Но такой любви вы не знаете, потому что она случается только в осознанности; это качество любви приходит, лишь когда есть осознанность. Вы знаете, что любовь — это грех, потому что она приходит из сна.

И то же самое во всем остальном. Если ты пытаешься сделать что-нибудь хорошее, это причиняет вред. Посмотрите на благодетельных людей: они всегда вредят, это большие в мире вредители. Социальные реформаторы, так называемые революционеры — самые большие вредители. Но трудно увидеть, в чем заключается их вред, потому что они очень хорошие люди, которые всегда делают добро другим — это их способ создать для другого тюремное заключение. Если ты позволишь им сделать тебе что-нибудь хорошее, то окажешься их собственностью. Начнется с того, что они будут массировать тебе ноги, но рано или поздно ты найдешь, что их руки тянутся к твоей шее! Они начинают с ног и заканчивают шейей, потому что они не осознанны; они не знают, что делают. Они научились этому трюку — если ты хочешь кем-то владеть, делай ему добро. Они даже не осознают, что научились этому трюку. Но они принесут вред, потому что любая — любая! — попытка владеть другим человеком, в какой бы то ни было форме и под каким бы то ни было именем — грех.

Ваши церкви, ваши храмы, ваши мечети — все они совершили в отношении вас грехи,

потому что они стали собственниками, все они стали руководителями. Каждая церковь против религии, потому что религия — это свобода! Почему же тогда это происходит? Иисус пытается дать религию, дать вам крылья. Что же тогда происходит, как вмещивается эта церковь? Это происходит, потому что Иисус живет на абсолютно другом уровне существа, на другом уровне осознанности; а те, кто его слушает, те, кто ему следует, живут на уровне сна. Что бы они ни услышали, они истолковывают, и истолковывают согласно своим собственным снам. И все, что бы они ни создали, будет грехом. Христос дает вам религию, а затем люди, которые крепко спят, превращают ее в церковь.

Говорят, что однажды Сатана, дьявол, сидел под деревом очень печальный. Мимо проходил святой; он посмотрел на Сатану и сказал:

— Мы слышали, что ты никогда не отдыхаешь, что ты всегда совершаешь тот или иной вредный поступок. Как же так, что ты сидишь под этим деревом без дела?

Сатана был очень подавлен. Он сказал:

— Кажется, всю мою работу перехватили священники, и я ничего не могу делать — я совершенно безработный. Иногда я думаю о самоубийстве, потому что у этих священников все так хорошо получается.

У священников все так хорошо получается, потому что они превратили свободу в тюремные заключения, они превратили истину в догмы — они перевели все с уровня осознанности на уровень сна.

Попробуйте понять, что такое в точности сон, потому что, если вы сможете почувствовать, что это такое, вы уже начали приходить в осознанность — вы уже на пути к тому, чтобы из него выйти. Что такое этот сон? Как он происходит? Каков его механизм? Каков принцип его работы, *modus operandum*?

Ум всегда либо в прошлом, либо в будущем. Он не может быть в настоящем; абсолютно невозможно, чтобы ум был в настоящем. Когда ты в настоящем, ума больше нет — потому что ум означает мышление. Как ты можешь думать в настоящем? Ты можешь думать о прошлом; оно уже стало частью памяти, ум может над ним работать. Ты можешь думать о будущем; его еще нет, но ум может о нем мечтать. Ум может делать две вещи. Он движется либо в прошлое, — в нем достаточно места, чтобы двигаться; пространство прошлого безгранично; ты можешь продолжать без конца, — либо в будущее; снова безграничное пространство, бесконечное пространство, в котором ты можешь воображать, фантазировать и видеть сны. Но как может ум действовать в настоящем? В настоящем нет никакого места, в котором ум мог бы двигаться.

Настоящее — это разделительная линия, вот и все. В нем нет никакого пространства. Оно разделяет прошлое и будущее — просто разделительная линия. Ты можешь *быть* в настоящем, но не можешь думать; для того чтобы думать, нужно место. Для мыслей требуется место, они как вещи. Помни это: мысли — это тонкие вещи, они материальны. Мысли не духовны, потому что измерение духовного начинается, лишь когда мыслей нет. Мысли — материальные вещи, очень тонкие, и каждой материальной вещи требуется пространство.

Ты не можешь думать в настоящем. В то мгновение, когда ты начинаешь думать, ты уже в прошлом. Ты видишь восходящее солнце; ты видишь его и говоришь:

«Какой красивый рассвет!» — это уже прошлое. Когда встает солнце, нет пространства даже для того, чтобы сказать: «Как красиво!», потому что, когда ты произносишь эти два слова: «Как красиво!» — этот опыт уже в прошлом, ум уже занес это в память. Но *в то мгновение*, когда солнце встает, в то самое мгновение, когда солнце восходит, как ты можешь думать? Что ты можешь думать? Ты можешь *быть* восходящим солнцем, но не можешь думать. Для *тебя* места достаточно — но не для мыслей.

Ты видишь в саду прекрасный цветок и говоришь:

«Красивая роза» — ты больше не с этой розой в это мгновение; это уже воспоминание. Когда есть цветок и есть ты, и вы оба присутствуете друг для друга, как ты можешь думать? Что ты можешь думать? Как возможно мышление? Для него нет никакого места. Место так узко — фактически, места вообще нет — и вы с цветком не можете существовать как двое, потому что для двоих места недостаточно; существовать может лишь одно.

Именно поэтому в глубоком присутствии ты — цветок, а цветок стал тобой. Когда мышления нет, кто цветок, и кто тот, кто его наблюдает? Наблюдающий становится наблюдаемым. Внезапно границы теряются. Внезапно ты проник, проник в цветок, а цветок проник в тебя. Внезапно вы не двое — существует одно.

Если ты начинаешь думать, вы снова стали двумя. Если ты не думаешь, где эта двойственность? Когда ты существуешь с цветком, без мышления, это диалог — не *дуалог*, но диалог. Когда ты существуешь с возлюбленным, это диалог, не *дуалог*, потому что двоих нет. Сидя рядом с любимым, держа любимого за руку, ты просто существуешь. Ты не думаешь о временах, что прошли и кончились; ты не думаешь о наступающем будущем — ты здесь, сейчас. И так красиво быть здесь и сейчас, и так интенсивно, что в эту интенсивность не может проникнуть никакая мысль.

Узки ворота; узки ворота настоящего. Даже двое не могут войти в них одновременно, только одно. В настоящем мышление невозможно, сновидение невозможно, потому что сновидение — это не что иное, как мышление в картинах. То и другое — вещи, то и другое — материально. Когда ты в настоящем, без мышления, ты впервые

становишься духовным. Открывается новое измерение — измерение осознанности. Поскольку вы не знаете этого измерения, Гераклит говорит, что вы спите, не осознаете. Осознанность означает: быть в мгновении так тотально, чтобы не было никакого движения в прошлое, никакого движения в будущее — все движение останавливается.

Это не значит, что ты застываешь. Начинается новое движение, движение в глубину.

Есть два вида движения, и именно в этом смысл креста Иисуса: он показывает два направления движения, перекресток. Одно движение линейно: ты движешься по линии, от одной вещи к другой, от одной мысли к другой. От одного сна к другому — от А ты движешься к Б, от Б к В, от В к Г. Таким образом, ты движешься линейно, горизонтально. Это движение времени; это движение того, кто крепко спит. Ты можешь двигаться, как лифт, вперед и назад — по линии. Ты можешь прийти из А в Б, или из Б в А — но это движение по линии.

Есть другое движение, и это совершенно другое измерение. Это движение не горизонтально, оно вертикально. Ты не переходишь из А в Б, а из Б в В; ты переходишь из А в более глубокое А: от А, в А1, А2, А3 в глубину — или в высоту.

Когда мышление останавливается, начинается новое движение. Теперь ты падаешь в глубину, в подобное бездне явление. Люди, которые медитируют глубоко, рано или поздно приходят к этой точке; тогда они пугаются, потому что чувствуют себя так, словно перед ними раскрылась пропасть — бездонная пропасть, и у тебя кружится голова, тебе страшно. Тебе хочется цепляться за старое движение, потому что оно знакомо; это похоже на смерть.

Именно в этом смысл креста Иисуса: это смерть. Перейти от горизонтального к вертикальному — это смерть; это настоящая смерть. Но это смерть лишь с одной стороны; с другой стороны — это воскресение. Ты умираешь, чтобы родиться; ты умираешь в одном измерении, чтобы родиться в другом. Горизонтально — ты Иисус. Вертикально — ты становишься Христом.

Если ты движешься от одной мысли к другой, ты остаешься в мире времени. Если ты движешься в мгновение — не в мысль — ты движешься в вечность. Ты не статичен; ничто не статично в этом мире, ничто не может быть статичным — но возникают новые движения,

движения без мотивации. Запомните эти слова. По горизонтальной линии ты движешься благодаря мотивации. Ты хочешь чего-то достичь — денег, престижа, власти или Бога, но ты должен чего-то достичь. Есть мотивация.

Мотивированное движение означает сон. Немотивированное движение означает осознанность — ты движешься ради сущей радости двигаться, ты движешься, потому что движение есть жизнь, ты движешься, потому что жизнь — это энергия, а энергия — это движение. Ты движешься, потому что энергия — это наслаждение, не ради чего-то другого. В этом нет никакой цели, ты не гонишься ни за каким достижением. Фактически, ты вообще никуда не идешь, вообще не идешь — ты просто наслаждаешься энергией. Нет цели вне самого движения; движение обладает собственной внутренней ценностью, не внешней ценностью.

Будда тоже живет — Гераклит живет; я здесь живу и дышу — но это другого вида Движение, немотивированное.

Кто-то спросил меня несколько дней назад: "Почему ты помогаешь людям медитировать?"

Я ему сказал: «В этом моя радость. Нет никакой причины — я просто наслаждаюсь этим». Просто как человек наслаждается тем, чтобы сажать семена в саду, ожидая цветов, — когда вы цветете, я наслаждаюсь. Это сад; когда кто-то расцветает, это сущая радость. И я делюсь. В этом нет никакой цели. Если ты потерпишь поражение, я не буду разочарован. Если ты не расцветешь, это тоже хорошо, потому что цветение нельзя вызвать силой. Можно силой раскрыть бутон — это возможно, но тогда ты его убьешь. Это может показаться цветением; это не цветение.

Весь мир движется, существование движется в вечности. Ум движется во времени. Существование движется в глубину и в высоту, а ум движется вперед и назад. Ум движется горизонтально — это сон. Если ты можешь двигаться вертикально — это осознанность.

Будь в мгновении. Привнеси в это мгновение всю свою тотальную осознанность. Не позволяй прошлому вмешиваться, не позволяй входить будущему. Прошлого больше нет, оно умерло. И как говорит Иисус: «Пусть мертвые хоронят мертвых». Прошлого больше нет, зачем тебе о нем беспокоиться? Почему ты продолжаешь снова и снова его пережевывать? Ты что, сумасшедший? Его больше нет; это только твой ум, это только воспоминание. Будущего еще нет — что ты делаешь, думая о будущем? То, чего еще нет, — как ты можешь об этом думать? Как ты можешь его планировать? Что бы ты ни делал, этого не случится, и тогда ты разочаруешься, потому что у целого есть свой собственный план. Почему ты пытаешься строить собственные планы, противоречащие его планам?

У существования свои планы, и оно мудрее тебя — целое всегда мудрее части. Почему ты притворяешься целым? У целого есть собственное предназначение, собственное осуществление; почему ты этим озабочен? И что бы ты ни делал, это будет грехом, потому что ты будешь упускать мгновение — это мгновение. И если это станет привычкой — это становится привычкой;

если ты начинаешь упускать, это становится привычной формой — тогда, когда придет будущее, ты снова его упустишь, потому что, когда будущее придет, оно будет не будущим, оно будет настоящим. Вчера ты думал о сегодня, потому что тогда оно было завтра; теперь это сегодня, и ты думаешь о завтра, а когда придет завтра, оно будет сегодня, — потому что все, что существует, существует здесь и сейчас и не может существовать никак иначе. Если ты действуешь по застывшему образцу, и он таков, что твой ум всегда смотрит в завтра, когда же ты будешь жить? Завтра никогда не приходит. Тогда ты будешь продолжать упускать — и это грех. В этом смысл еврейского слова «грех».

В то мгновение, когда входит будущее, входит время. Ты согрешил против существования, ты упустил. И это стало застывшим образцом: как робот, ты продолжаешь упускать.

Люди приезжают ко мне сюда из дальних стран. Когда они там, они думают обо мне и очень волнуются; они читают, думают, видят сны. Когда они приезжают сюда, они начинают думать о своих домах; не успели они приехать, как уже начинают двигаться обратно! Тогда они начинают думать о своих детях, о своих женах, работах, об этом и о том, и о тысяче и одной вещи. И я вижу всю эту глупость. Снова они вернутся туда и снова будут думать обо мне. Они упускают, и это грех.

Когда ты здесь со мной, будь здесь со мной — тотально здесь со мной, чтобы ты мог научиться новому виду движения, чтобы ты мог начать двигаться в вечность, не во время. Время — это мир, вечность — это Бог; горизонтальное — это мир, вертикальное — это Бог. Оба они встречаются в одной точке — там, где распят Иисус. Они встречаются, — горизонтальное и вертикальное, — в одной точке, и эта точка здесь и сейчас. И здесь и сейчас ты можешь совершить два путешествия: одно путешествие — в мир, в будущее; другое путешествие — в Бога, в глубину.

Стань более и более осознанным, стань более и более бдительным и чувствительным к настоящему.

Что ты будешь делать? Как это может стать возможным? — потому что вы так крепко спите, что можете сделать сном и это. Вы можете сделать само это объектом мышления, мыслительного процесса. Вы можете прийти по этому поводу в такое напряжение, что само оно не даст вам быть в настоящем. Если вы думаете слишком много о том, как быть в настоящем, это думание не поможет. Если вы чувствуете слишком много вины... если иногда вы движетесь в прошлое — так и будет; это было такой долгой привычкой, а иногда вы начнете думать и о будущем — немедленно вы испытаете чувство вины, почувствуете, что снова совершили грех.

Не чувствуйте себя виноватыми. Поймите грех, но не чувствуйте себя виноватыми, — и это очень, очень тонко. Если ты чувствуешь себя виноватым, ты упустил всю суть. Теперь старый образец начинается в новой форме. Теперь ты чувствуешь себя виноватым, потому что упустил настоящее. Теперь ты думаешь о прошлом, потому что то настоящее — больше не настоящее; оно стало прошлым, и ты чувствуешь себя виноватым из-за него. Ты по-прежнему упускаешь.

Таким образом, помни одно: когда бы ты ни осознал, что ушел в прошлое или в будущее, не создавай из этого проблемы. Просто приди в настоящее, не создавая никакой проблемы. Все в порядке! Просто верни осознанность. Ты упустишь миллионы раз; этого не случится прямо сейчас, немедленно. Это может случиться, но из-за тебя не случается. Эта модель поведения так укоренилась, что ты не можешь прямо сейчас ее изменить. Но не беспокойся, существование не торопится. Вечность может ждать вечно. Не делай из этого напряжения.

Каждый раз, когда ты чувствуешь, что упустил, вернись обратно, вот и все. Не чувствуй себя виноватым; это трюк ума, теперь он снова играет в игру. Не раскаивайся: «Я снова забыл». Когда ты это понимаешь, тотчас же вернись к тому, что ты делаешь. Принимая ванну, вернись; принимая пищу, вернись; совершая прогулку, вернись в это. В то мгновение, когда ты чувствуешь, что ты не здесь и сейчас, вернись — просто, невинно. Не создавай чувства вины. Если ты испытываешь чувство вины, ты упустил суть. Есть грех, но нет никакой вины — но это для вас трудно. Если ты чувствуешь, что что-то неправильно, тотчас же ты чувствуешь себя виноватым. Ум очень, очень коварен. Если ты начинаешь чувствовать себя виноватым, игра началась снова — на новой почве, но игра остается старой. Ко мне приходят люди; они говорят: «Мы продолжаем забывать». Они так печальны, когда говорят: «Мы продолжаем забывать. Мы пытаемся, но помним лишь несколько секунд. Мы остаемся бдительными, помнящими себя, но потом снова теряем это — что делать?» Ничего не нужно делать! Суть вообще не в том, чтобы что-то делать. Что ты можешь сделать? Единственное, что ты можешь сделать, — это не создавать чувства вины. Просто вернись.

Чем более ты возвращаешься... просто вспомни. Не с очень серьезным лицом, не с большим усилием — просто, невинно, не создавая из этого проблемы. Потому что у вечности нет проблем — все проблемы существуют на горизонтальном плане; эта проблема тоже существует на горизонтальном плане. Вертикальный план не знает никаких проблем. Это суцая радость, без всякой тревоги, без всякой тоски, без всякого беспокойства, без всякой вины, без ничего подобного. Будь простым и вернись.

Много раз ты упустишь, это нужно принять как должное. Не беспокойся об этом; так и должно быть. Ты упустишь много раз, но суть не в этом. Не уделяй слишком много внимания тому факту, что ты много раз упускаешь, удели внимание тому факту, что ты много раз обретаешь заново. Помни это — ударение должно быть не на том, что ты много раз упустил, но на том, что ты много раз заново обрел воспоминание. Пусть это сделает тебя счастливым. То, что ты упускаешь, конечно, — так и должно быть. Ты человек, ты жил на горизонтальном плане много, много жизней, и это так естественно. Красота в том, что много раз ты снова возвращался. Ты сделал невозможное; пусть это сделает тебя счастливым!

За двадцать четыре часа двадцать четыре тысячи раз ты упустишь, но двадцать четыре тысячи раз обретешь вновь. Начнет действовать новый режим. Столько раз ты снова возвращаешься домой; мало-помалу взрывается новое измерение. Более и более ты становишься способным оставаться в осознанности, менее и менее ты будешь выпадать из нее и снова возвращаться. Отрезки выпадения из осознанности будут становиться меньше и меньше. Меньше и меньше ты будешь забывать, больше и больше помнить — тыходишь в вертикальное. Однажды горизонтальное внезапно исчезает. Интенсивность приходит в осознанность, и горизонтальное исчезает.

Когда Шанкара, Веданта и индуисты называют этот мир иллюзорным, за этим стоит именно это. Потому что, когда осознанность становится совершенной, этот мир — мир, который ты создал из своего ума, — просто исчезает; перед тобой открывается другой мир. *Майа* исчезает, иллюзия исчезает — иллюзия сохранялась из-за твоего сна, из-за твоей бессознательности.

Это точно как сон. Ночью ты движешься в сны, и когда сон происходит, он реален. Ты когда-нибудь думал во сне: «Это невозможно»? Невозможное происходит во сне, но ты не можешь в нем усомниться. Во сне ты пребываешь в состоянии полной веры; во сне никто не бывает скептическим, даже Бертран Расселл. Нет, во сне каждый, как ребенок, доверяет всему, что бы ни происходило. Ты видишь во сне, что приходит твоя жена — внезапно она превращается в лошадь. Ни на мгновение ты не говоришь: «Разве это бывает?»

Сон — это доверие, сон — это вера. Во сне ты не можешь сомневаться. Как только ты начинаешь сомневаться во сне, правила нарушены. Как только ты начинаешь сомневаться, сон начинает исчезать. Если даже ты сможешь вспомнить, что сон — это сон, это внезапное потрясение разобьет сон, и ты проснешься.

Этот мир, который ты видишь вокруг себя, — не реальный мир. Не потому, что он не существует — он существует, но ты видишь его сквозь ширму сна. Между вами стоит бессознательное; ты смотришь на него, ты истолковываешь его по-своему; ты точно как пьяный.

Это случилось: прибежал Мулла Насреддин. Он был совершенно пьян, и человек, который управлял лифтом, хотел уже закрыть дверь, но каким-то образом он пролез вовнутрь. Лифт был переполнен. Все поняли, что он очень пьян: от него пахло алкоголем. Он попытался притвориться; он повернулся к двери, но ничего не смог увидеть — его глаза были тоже пьяны и сонны. Кое-как он пытался стоять прямо, но и это было невозможно. Тогда он очень смутился, потому что все на него смотрели и думали, что он совершенно пьян; он это чувствовал. Не зная, что еще сделать, внезапно он сказал:

— Наверное, вам интересно, зачем я созвал это собрание.

К утру он придет в норму. Он будет смеяться, как смеетесь вы...

Все будды смеялись, став пробужденными. Их смех подобен львиному рыку. Они смеются не над вами — они смеются над всей этой космической шуткой. Они жили в сновидении, во сне, совершенно опьяненные желанием, и из желания они смотрели на существование. Тогда оно не было реальным существованием; они проецировали на него свой собственный сон.

Ты принимаешь все существование как экран, на который проецируешь свой собственный ум. Ты видишь вещи, которых нет, и не видишь вещей, которые есть. И у ума на все есть объяснение. Если появляется сомнение, ум все объясняет. Он создает теории, философии, системы, просто чтобы успокоить себя тем, что все в порядке. Все философии существуют лишь для того, чтобы сделать жизнь удобной, чтобы казалось, что все в порядке, что все правильно, — но ничто не в порядке и не правильно, пока ты спишь.

Ко мне пришел один человек. Он был встревожен он отец прекрасной дочери. Он был очень обеспокоен; он сказал:

— Каждое утро она плохо себя чувствует, и я был у всех врачей, но они говорят, что ничего не нашли. Что мне делать?

И я ему сказал:

— Пойди к Мулле Насреддину — он здесь самый мудрый парень, и он знает все, потому что я никогда не слышал, чтобы он сказал: «Я не знаю». Иди.

Он пошел. Я тоже последовал за ним, чтобы узнать, что скажет Мулла Насреддин. Насреддин закрыл глаза, обдумал проблему, потом открыл глаза и сказал:

— Ты даешь ей молоко, прежде чем уложить спать?

— Да! — сказал этот человек.

Насреддин сказал:

— Я понял, в чем проблема: если ты даешь ребенку молоко перед сном, ребенок во сне ворочается, и из-за этого молоко скисает и превращается в простоквашу. Затем простокваша становится сыром, сыр становится маслом, масло становится сахаром, сахар становится алкоголем — и конечно, утром у нее похмелье.

Именно в этом и состоят все философии: те или другие объяснения; какие-то объяснения вещам, которые нельзя объяснить, попытка притвориться, что ты знаешь что-то, чего не знаешь. Но это делает жизнь удобной. Ты можешь лучше спать; это похоже на транквилизатор.

Помните, вот разница между религиозностью и философией: философия — это транквилизатор, религиозность — это шок; философия помогает тебе хорошо спать, религиозность — выводит из сна. Религиозность — это не философия, это техника, чтобы вывести тебя из твоей бессознательности. А все философии — это техники, чтобы помочь тебе хорошо спать; они дают тебе сны, утопии.

Религиозность отнимает у тебя все сны и утопии

Религиозность приводит тебя к истине — а истина возможна, лишь если ты не видишь снов. Видящий сны ум не может видеть истину. Видящий сны ум и истину превратит в очередной сон.

Вы не замечали? Ты ставишь будильник; утром ты хочешь встать в четыре часа, чтобы успеть на поезд.

Когда утром будильник начинает звонить, твой ум создает сон: ты сидишь в храме, и звонят колокола — вот все и объяснено. Будильник больше не создает проблем, он не может тебя разбудить. Ты все объяснил — тотчас же!

Ум тонок. Сейчас психоаналитики очень озадачены тем, как это происходит, как уму удается создавать объяснение тотчас же, мгновенно. Это так трудно! — наверное, ум проецирует это заранее. Как внезапно ты можешь обнаружить, что находишься в храме или в церкви, где

звонят колокола? Будильник звонит, и тотчас же во сне готово объяснение. Ты пытаешься избежать будильника; ты не хочешь вставать, не хочешь вставать в такую холодную зимнюю ночь. Ум говорит: «Это не будильник; ты просто пришел в храм». Все объяснено, ты засыпаешь.

Именно это делали философии, и именно поэтому философий так много — потому что каждому нужно свое собственное объяснение. Объяснение, которое помогает заснуть кому-то другому, не поможет тебе. И именно это говорит Гераклит в этом отрывке.

Попытайтесь его понять. Он говорит:

В мгновения бодрствования Люди так же забывчивы и небрежны К. тому, что вокруг них происходит, Как и когда спят.

Во сне ты не осознаешь, что происходит вокруг тебя, но осознаешь ли ты, что происходит, в часы бодрствования?

Были проведены большие исследования. Девяносто восемь процентов приходящих к тебе сообщений ум не допускает вовнутрь — девяносто восемь процентов. Лишь двум процентам позволено войти, и эти два процента ум интерпретирует. Я что-то говорю; ты слышишь что-то другое. Я говорю что-то еще, ты интерпретируешь это таким образом, чтобы это не беспокоило твой сон. Твой ум немедленно дает тебе объяснение. Ты находишь для этого место в уме, и ум это поглощает; это становится частью ума. Именно поэтому вы продолжаете упускать Будд, Христов, Гераклитов и других. Они продолжают говорить с вами; они продолжают говорить, что что-то нашли, что что-то пережили, но когда они это говорят вам, вы немедленно это интерпретируете. У вас есть собственные трюки.

Аристотеля очень беспокоил Гераклит. Он решил, что у этого человека, наверное, есть какой-то дефект в характере. Все кончено! — ты отнес его к определенной категории, потому что он тебе не подходит, беспокоит тебя. Наверное, Гераклит был очень тяжелым камнем в уме Аристотеля — потому что Аристотель движется в горизонтальном, он в этом специалист, а Гераклит пытается столкнуть тебя в бездну. Аристотель движется по равнине логики, а Гераклит пытается столкнуть тебя в тайну. Нужно какое-то объяснение. Аристотель говорит: «В этом человеке есть какой-то дефект — биологический, физиологический, дефект „характера“, но есть какой-то дефект. Почему иначе он настаивает на парадоксе? Почему иначе он настаивает на тайне? Почему он настаивает, что есть гармония между противоположностями? Противоположности противоположны; гармонии нет. Жизнь есть жизнь, смерть есть смерть — будь в этом ясным, не смешивай эти вещи. Кажется, этот человек все перепутал».

Лао-цзы был таким же человеком. Лао-цзы говорил:

«Кажется, так мудры все, кроме меня. Кажется, все так умны, кроме меня, — я дурак!»

Лао-цзы — один из величайших, один из мудрейших людей, которые только когда-либо родились, но среди вас он чувствует себя дураком. Лао-цзы говорит:

— Кажется, каждый мыслит так ясно; путаюсь только я.

То, что Аристотель говорит о Гераклите, Лао-цзы говорит о себе.

Лао-цзы говорит:

— Когда кто-то слушает мое учение без ума, он становится просветленным. Если кто-то слушает мое учение из ума, тогда он находит собственные объяснения, которые не имеют ничего общего со мной. А когда кто-то слушает, вообще не слушая, — есть люди, которые слушают, не слушая, — когда кто-то слушает так, словно вообще не слушает, он смеется над моей глупостью.

И этот третий тип ума составляет большинство. Лао-цзы говорит:

— Если большинство не смеется над тобой, осознавай, что, должно быть, ты говоришь что-то неправильное. Если большинство смеется, лишь тогда ты говоришь что-то истинное. Когда большинство думает, что ты дурак, — лишь тогда есть возможность того, что ты мудр; иначе никакой возможности нет.

Гераклит казался Аристотелю запутавшимся. Он покажется таким и вам, потому что Аристотель захватил власть во всех университетах, во всех колледжах мира. Теперь вас всюду учат логике, не тайне. Вас всюду учат рациональному, не мистическому. Каждого учат быть ясным. Если ты хочешь быть ясным, тебе придется двигаться по горизонтали. Там А есть А, Б есть Б, и А никогда не Б. Но в таинственной бездне вертикального границы встречаются и сливаются друг с другом.

Таким образом, Бог — тайна, не силлогизм. Те, кто приводит доказательства Бога, просто делают невозможное; никаких доказательств Бога быть не может. Доказательства существуют на горизонтальном плане.

В этом смысл доверия: ты падаешь в бездну, переживаешь опыт бездны, просто исчезаешь в ней... и ты знаешь. Ты знаешь, лишь когда ума нет, — никогда не прежде.

Где бы вы ни были, именно в этом месте вас нет. Вы можете быть где угодно, но никогда не там, где вы есть. Где бы вы ни были, вас там нет.

В старых тибетских писаниях говорится, что Бог приходит много раз, но никогда не находит тебя там, где ты есть. Он стучит в двери, но хозяина нет дома — он всегда где-то еще. Ты в своем доме, ты дома или где-то еще? Как может Бог тебя найти? Тебе не нужно к нему идти, просто будь дома, и он найдет тебя. Он ищет тебя точно так же, как ты ищешь его. Просто будь дома, чтобы, когда он придет, он мог тебя найти. Он приходит, он стучит миллионы раз, он ждет у дверей, но тебя никогда нет дома.

Гераклит говорит:

Дураки, хотя и, слышат, Все равно что глухие;

К ним относится пословица:

Где бы они ни были, Их там нет.

Это сон: отсутствие, не присутствие в настоящем мгновении, нахождение где-то еще.

Это случилось:

Мулла Насреддин сидел в кафетерии и распространялся о собственной щедрости. — ...В пылу разговора он часто впадает в крайности, как и любой другой человек, потому что сам не помнит, что говорит... — Кто-то сказал:

— Насреддин, если ты так щедр, почему ты никогда не пригласишь нас к себе домой? Ты не дал ни единого обеда. Что ты на это скажешь?

Он так увлекся, что совершенно забыл о своей жене, и сказал:

— Приглашаю всех, сейчас же!

Но чем ближе они подходили к дому, тем более он трезвел. Он вспомнил свою жену и внезапно испугался — к нему в гости идет тридцать человек. У самого дома он сказал:

— Обождите здесь! Все вы знаете, что у меня есть жена. У вас тоже есть жены, так что вы знаете. Просто постойте здесь. Сначала я пойду и поговорю с ней, потом позову вас.

И он вошел в дом и исчез.

Они ждали, ждали и ждали, но он не приходил и не приходил, и они стали стучать в дверь. Насреддин подробно рассказал жене, что произошло: что он слишком распространялся о своей щедрости и его поймали на слове. Его жена сказала:

— Но у нас нет еды для тридцати человек, уже слишком поздно, чтобы что-то купить на рынке.

Тогда Насреддин сказал:

— Сделай вот что: когда они постучат, пойди и скажи им, что Насреддина нет дома.

И когда они постучали, жена вышла и сказала:

— Насреддина нет дома.

— Удивительно, — сказали они, — потому что мы пришли вместе с ним, и он вошел в дом,

и мы не видели, чтобы он вышел; все это время мы ждали здесь на ступеньках, тридцать человек, — он должен быть дома. Пойди и найди его. Должно быть, он где-то прячется.

Жена пошла в дом. Она сказала:

— Что делать?

Насреддин разволновался. Он сказал:

— Обожди!

И он вышел и сказал:

— Что значит, этого не может быть? Он же мог выйти через заднюю дверь!

Это возможно, это происходит с вами каждый день. Он совершенно забыл себя; именно это произошло — в логике он забыл себя. Логика правильна, аргумент правилен, но... «Что значит, этого не может быть? Вы ждете у передней двери; он мог выйти через заднюю», — логика правильна, но Насреддин совершенно забыл, что это говорит он сам.

Ты не присутствуешь. Ты не присутствуешь ни в мире, ни в самом себе. Это и есть сон. Как ты можешь слышать? Как ты можешь видеть? Как ты можешь чувствовать? Если ты не присутствуешь здесь и сейчас, тогда все двери закрыты. Ты мертвый человек, ты не жив. Именно поэтому Иисус снова и снова говорит слушателям, слышателям:

«Если у вас есть уши, услышьте меня; если у вас есть глаза, увидите меня!»

Гераклит, наверное, нашел, что многие люди, которые слушают, ничего не слышат, и многие люди, которые видят, ничего не видят, потому что их дома совершенно пусты. Хозяина нет дома. Глаза смотрят, уши слушают, но внутри никого нет дома. Глаза — это только окна; они не могут видеть, если только сквозь них не видишь ты. Как может видеть окно? Ты должен стоять у окна, лишь тогда ты можешь видеть. Как? — это только окно, оно ничего не чувствует. Если есть ты, все становится совершенно по-другому.

Все тело похоже на дом, а ум — на путешественника; хозяин всегда в отъезде, и дом остается пустым. И жизнь стучит к тебе в двери — ...можешь назвать это Богом или как угодно еще, название не имеет значения; назови это существованием... — существование стучит в двери, уже стучит, стучит непрерывно, но тебя никогда нельзя застать. Это и есть сон.

Человек не должен говорить и действовать, словно во сне.

Действуй, говори с полной осознанностью, и ты найдешь в себе огромную перемену. Сам тот факт, что ты осознаешь, изменяет все твои действия. Тогда ты не можешь совершить греха. Не то что ты должен себя контролировать, нет! Контроль — это суррогат осознанности, очень бедный заменитель; от него мало помощи. Если ты осознаешь, тебе не нужно контролировать гнев; в осознанности гнев никогда не возникает. Гнев и осознанность не могут существовать вместе; невозможно никакое их сосуществование. В осознанности никогда не возникает ревность. В осознанности многие вещи просто исчезают — все вещи, которые отрицательны.

Это точно, как свет. Когда в доме горит свет, как там может существовать темнота? Она просто бежит из него. Когда в твоём доме светло, как ты можешь спотыкаться? Как ты можешь стучать в стену? Светло, и ты знаешь, где дверь; ты просто направляешься прямо к двери, выходишь в нее. Когда темно, ты спотыкаешься, пробираешься ощупью, падаешь. Неосознанный, ты пробираешься ощупью, спотыкаешься, падаешь. Гнев — это не что иное, как спотыкание; ревность — это не что иное, как нащупывание во тьме. Все, что неправильно, неправильно не само по себе, но потому, что ты живешь в темноте.

Иисус сможет испытать гнев, если захочет; он может его использовать. Ты не можешь его использовать — он использует тебя. Если Иисус чувствует, что это может быть хорошо и полезно, он может использовать что угодно — он хозяин. Иисус может испытывать гнев, не испытывая гнева. Многие люди работали с Гурджиевым, и он был ужасным человеком. В гневе он был ужасен, он выглядел, как убийца! Но это была только игра, только ситуация, чтобы кому-

то помочь. И мгновенно, без промежутка даже на долю секунды, он уже смотрел на кого-то другого и улыбался. Потом он снова смотрел на первого человека, на которого испытывал гнев, и снова выглядел ужасно и гневно.

Это возможно. Осознавая, ты можешь использовать все. Даже яд может стать эликсиром, когда ты осознаешь. А когда ты спишь, даже эликсир может стать ядом — потому что все зависит от того, насколько ты бдителен. Действия ничего не значат. Действия не имеют значения — значение имеешь только ты, твоя осознанность, твоя сознательность, внимательность. Что ты делаешь, неважно.

Это случилось:

Был один великий мастер, буддистский мастер, Нагарджуна. К нему пришел вор. Вор влюбился в этого мастера, потому что никогда не видел такого красивого человека, человека такого безграничного изящества. Он спросил Нагарджуну:

— Есть ли у меня какая-нибудь возможность роста? Но сначала я должен тебе объяснить одно: я вор. И второе: я не могу перестать воровать, поэтому, пожалуйста, не ставь такого условия. Я сделаю все, что ты скажешь, но не смогу перестать быть вором. Я пытался много раз — никогда ничего не получается, поэтому я оставил эту затею. Я принял это, как мое предназначение: я буду вором и останусь вором, поэтому давай не будем об этом говорить. Пусть это будет ясно с самого начала.

Нагарджуна сказал:

— Почему ты так боишься? Кто говорит о том, что ты вор?

— Каждый раз, когда я прихожу к монаху, священнику или религиозному святому, они всегда говорят: "Сначала перестань воровать».

Нагарджуна рассмеялся и сказал:

— Тогда, наверное, ты приходил к ворам: иначе почему это должно их волновать? Меня это не волнует! Вор был очень счастлив. Он сказал:

— Тогда все хорошо. Кажется, теперь я могу стать учеником. Ты — правильный мастер. Нагарджуна принял его. Он сказал:

— Теперь ты можешь делать все что хочешь. Только одному условию нужно следовать: осознавай! Иди, взламывай дома, входи, бери вещи, воруй; делай что угодно, это меня не волнует, я не вор, — но делай это с полной осознанностью.

Вор не мог понять, что попал в ловушку. Он сказал:

— Ладно, все в порядке. Я попытаюсь. Через три недели он пришел и сказал:

— Ты сыграл со мной трюк — потому что, если я осознаю, я не могу воровать. Если я ворую, осознанность исчезает. Я в затруднении.

Нагарджуна сказал:

— Никаких разговоров о воровстве и ворах. Меня это не волнует; я не вор. Тебе решать! Если ты хочешь осознанности, это решать тебе. Если ты ее не хочешь, это тоже решать тебе.

Вор сказал:

— Но мне трудно. Я испытал немного ее вкуса, и это так красиво — я оставлю что угодно, что бы ты ни сказал.

Вор продолжал:

— Прошлой ночью мне впервые удалось проникнуть во дворец короля. Я открыл сокровищницу. Я мог бы стать самым богатым человеком в мире — но ты следовал за мной, и мне пришлось быть осознанным. Когда я стал осознанным, внезапно — никакой мотивации, никакого желания. Когда я становился осознанным, бриллианты казались просто камнями, обычными камнями. Когда я терял осознанность, передо мной было сокровище. Я ждал, я делал это много раз. Я приходил в осознанность, становился, как будда, и не мог даже прикоснуться к

сокровищу, потому что все это выглядело глупо, абсурдно — просто камни, что мне с ними делать? Потерять себя ради камней? Но потом я терял осознанность; снова они становились красивыми, восстанавливалась вся иллюзия. Но в конце концов я решил, что они того не стоят.

Если однажды ты узнаешь осознанность, ничто ее не стоит — ты узнал величайшее блаженство жизни. Тогда, внезапно, многие вещи просто отпадают; они становятся глупыми, становятся дурацкими. Мотивации больше нет, желания больше нет, сны отпали.

Человек не должен действовать или говорить,

Словно во сне.

Это единственный ключ.

Пробужденные живут в одном общем мире;

Каждый из спящих — в своем собственном.

Сны личны, абсолютно личны! Никто не может войти в твой сон. Ты не можешь поделиться сном с любимым. Мужья и жены спят в одной постели, но сны видят отдельно. Невозможно разделить сон, потому что это ничто — как можно разделить ничто? Просто мыльный пузырь, абсолютно невещественный; ты не можешь его ни с кем разделить, тебе придется видеть сны в одиночестве.

Именно поэтому — из-за спящих, столько спящих — существует столько миров. У тебя свой собственный мир; если ты спишь, ты заключен в оболочку собственных мыслей, концепций, мечтаний, желаний. Когда ты встречаешь кого-то другого, два мира сталкиваются. Миры врезаются друг в друга — именно так происходит. Наблюдайте!

Посмотрите на мужа и жену, когда они разговаривают; они вообще не разговаривают. Муж думает о своем офисе, зарплате; жена думает о платье к Рождеству. Внутри каждого из них — свой собственный личный мир, но их личные миры где-то встречаются — или, скорее, сталкиваются, — потому что платье жены зависит от зарплаты мужа, а зарплата мужа должна обеспечить платье для жены. Жена говорит «дорогой», но за этим «дорогой» стоят платья; она думает о них. «Дорогой» не значит того, что написано в словарях, потому что каждый раз, когда женщина говорит «дорогой», это только фасад, и муж тотчас же пугается. Он этого не показывает, конечно, потому что, когда кто-то говорит «дорогой», ты не можешь показывать таких вещей. Он говорит: «Что, милая? Как у тебя дела?» Но он пугается, потому что думает о своей зарплате и знает, что Рождество подходит все ближе и опасность растет.

Жена говорила Мулле Насреддину:

— Что случилось? Последнее время я плачу и рыдаю, я вся в слезах, а ты даже не спрашиваешь: «Почему ты плачешь?»

Насреддин сказал:

— С меня довольно! — если я спрошу, это слишком дорого обойдется. И в прошлом я слишком часто совершал эту ошибку... — потому что эти слезы — не просто слезы: платья, новый дом, новая мебель, новая машина и многие другие вещи скрываются за этими слезами. Эти слезы — только начало.

Из-за этих внутренних личных миров диалог невозможен. Возможен лишь конфликт.

Сны личны, истина не лична. Истина не может быть личной — истина не может быть моей или твоей, истина не может быть христианской или индуистской, истина не может быть индийской или греческой. Истина не может быть личной. Сны личны. Что бы ни было личным, помни наверное, это принадлежит миру снов. Истина — это открытое небо; оно для всех, и оно одно.

Именно поэтому, когда говорят Лао-цзы, Будда, Гераклит, хотя их языки могут и отличаться, — но они подразумевают одно и то же, они указывают на одно и то же. Они не живут в личных мирах. Личный мир каждого из них исчез вместе со снами, желаниями —

вместе с умом. У ума бывает личный мир, но у сознания личного мира не бывает. Бодрствующие живут в одном общем мире... У тех, кто бодрствует, один общий мир — и это существование. А у каждого из тех, кто спит и видит сны, — свой собственный мир.

Твой личный мир должен быть отброшен; это единственное отречение, которого я от тебя требую. Я не говорю оставить жену, я не говорю оставить работу, я не говорю оставить деньги, оставить все, нет! Я просто говорю — оставить свой личный мир снов. Для меня это и есть *санньяса*. Старая *санньяса* состояла в том, чтобы оставить мир, видимое. Человек идет в Гималаи, оставляет жену и детей — суть совершенно не в этом. Этот мир нельзя оставить; как ты можешь его оставить? Даже Гималаи — часть этого мира. Настоящий мир, от которого нужно отречься, находится в уме; частный мир сновидений. Если ты от него отречешься, тогда, даже сидя на рынке, ты в Гималаях. Если ты от него не отречешься, то и в Гималаях создашь вокруг себя личный мир.

Как ты можешь бежать от самого себя? Куда бы ты ни пришел, ты будешь с самим собой. Куда бы ты ни пришел, ты будешь вести себя по-прежнему. Ситуации могут отличаться, но как можешь быть другим ты? Ты будешь спать в Гималаях. Какая разница, спишь ли ты в Пуне или в Бостоне, в Лондоне или в Гималаях? Где бы ты ни был, ты будешь видеть сны. Перестань видеть сны! Стань более бдительным. Внезапно сны исчезают, и со снами исчезают и страдания.

Что бы мы, ни видели, когда бодрствуем, — это смерть;

Когда спим, — это сны.

Это действительно красиво. Когда ты спишь, ты видишь сны, иллюзии, миражи — твои собственные творения, твой собственный личный мир. Когда ты просыпаешься, что ты видишь? Гераклит говорит; «Проснувшись, всюду вокруг ты видишь смерть».

Может быть, именно поэтому ты не хочешь видеть. Может быть, именно поэтому ты видишь сны и окружаешь себя облаком снов, чтобы не нужно было смотреть в лицо факту смерти. Но помни: человек становится религиозным, лишь когда сталкивается со смертью, никогда не прежде.

Когда ты сталкиваешься со смертью, когда ты смотришь смерти прямо в лицо, не избегаешь, не уклоняешься, не бежишь от нее, не окружаешь себя облаком, — когда ты смотришь в лицо и сталкиваешься с фактом смерти, — то внезапно осознаешь, что смерть есть жизнь. Чем глубже ты движешься в смерть, тем глубже ты движешься и в жизнь, говорит Гераклит, потому что противоположности встречаются и сплавляются; они одно.

Если ты пытаешься бежать от смерти, помни: ты будешь бежать и от жизни. Именно поэтому вы выглядите такими мертвыми. Это парадокс: беги от смерти, и ты останешься мертвым; смотри ей в лицо, столкнись с ней, и станешь живым. В то мгновение, когда ты смотришь смерти в лицо так глубоко, так интенсивно, что начинаешь чувствовать, что умираешь, — не только снаружи, но и внутри ты чувствуешь и касаешься смерти — приходит кризис. Это крест Иисуса, кризис смерти. В это мгновение ты умираешь из одного мира — мира горизонтального, мира ума — и воскресает в другом мире.

[Читать полный вариант книги](#)